

И тогда публицистика и актуальность отступают, и за тем пределом, который понимается как смерть и конец, приходит освобождение и начинается восхождение Бунина к лирическому эпосу «Жизни Арсеньева». В 1922–1924 годах в этом мире, утраченном въяве и воссоздаваемом творческим сознанием Бунина, постепенно появляются конкретные герои («Далекое», «В некотором царстве», «Сосед») и заново определяются истоки, характер и смысл писательского творчества («Неизвестный друг», «Музыка»). Стремление высказать себя резонирует с обращением к общему, не вполне сознаваемому, но существенному опыту в другом (читателе, адресате, поколении): «Поистине только одна, единая душа есть в мире» (Бунин–9, 5, 91; ср. стихотворения «В горах», «У гробницы Виргилия», оба — 1916). В прошлый раз подобное возвращение к жизни Бунин испытал летом 1918 года в Одессе. Осенью 1923 года круг смерти, перерождения и воскрешения автора и мира завершается рассказом «Несрочная весна». Обретя опору в элегической традиции и поэтической философии памяти (прежде всего Е. А. Баратынского), Бунин словно замкнул свод над прошлым. Теперь оно существовало наравне с его настоящим, и, не в состоянии превозмочь слом между ними в реальном бытии, Бунин совмещает их в своем художественном воображении. Натяжение между прошлой всеохватной гармонией и настоящим одиноким и трагическим мигом образует главную, пронзительную, неутоленную интонацию его позднего творчества.

DOI: 10.31860/0131-6095-2020-3-129-141

© С. Н. МОРОЗОВ

РАССКАЗ И. А. БУНИНА «ЦИКАДЫ»: ИСТОРИЯ ТЕКСТА*

Исследование текстологии прозы И. А. Бунина уже началось и постепенно развивается. В этом направлении появился целый ряд статей, однако, чтобы получить более или менее обобщающее представление о проблемах и вопросах в данной области, предстоит еще многое сделать.

В настоящей статье мы остановимся на одном из рассказов, исследуя историю его текста, основные варианты и редакции. Рассказ «Цикады» И. А. Бунин написал в Грассе в сентябре 1925 года. Сохранились автографы черновиков (РАЛ. MS 1066/201–206) и чистовая машинопись рассказа (РГАЛИ. Ф. 44. Оп. 1. Ед. хр. 19; судя по качеству печати, это 2-й или 3-й отпуск). Кроме того, до нас дошли три авторских экземпляра 9-го тома берлинского Собрания сочинений с правкой Бунина (РАЛ. MS 1066/10174, 10175; РГБ. Ф. 429. К. 2. Ед. хр. 4).

Впервые «Цикады» были напечатаны в парижском журнале «Современные записки».¹ Затем включены Буниным в сборник «Солнечный удар».² Последняя авторская публикация этого рассказа появилась в Собрании сочинений,

* Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РНФ (проект № 17-18-01410-П) в Институте мировой литературы им. А. М. Горького РАН.

¹ Современные записки. 1925. № 26. С. 85–101. Далее ссылки на это издание даются в тексте сокращенно: СЗ, с указанием номера страницы.

² Бунин И. Солнечный удар. Париж, 1927. С. 113–130. Далее ссылки на это издание даются в тексте сокращенно: СУ, с указанием номера страницы.

где девятый том имел название «Цикады» по первому помещенному в нем рассказу.³ Во всех изданиях под текстом стояла авторская дата: 17 сентября 1925 года, Приморские Альпы.

Первый частный отзыв появился в письме И. И. Фондаминского, который получил от Бунина рукопись рассказа для публикации в «Современных записках». Он писал Бунину 19 октября 1925 года из Парижа: «Когда я прочел „Цикады“, я пошел к Амалии Осиповне <Фондаминской. — С. М.> и сказал: Это одна из лучших вещей Ивана Алексеевича. Вишняк говорит, что я увлекаюсь — что „Цикады“ не лучше других Ваших произведений. Я же убежден, что не ошибаюсь: художественная проза (не так, как природа или архитектура) редко подымает меня до восторженного состояния. Читая же „Цикады“, я испытывал восторг».⁴

Критика сразу оценила рассказ. Первая рецензия развернулась в целую статью о творчестве Бунина, в центре которой было новое произведение писателя: «Что такое „Цикады“? Скорее всего, лирическая поэма в прозе: в ней много философского, но облеченного не в логические формы рассуждений, а в целый поток настроений, мыслей, образов и чувств. Здесь душа беседует сама с собой. И вместе с тем в ней есть что-то музыкальное, чарующее. <...>

<...> Ни в одном, может быть, произведении Бунина так отчетливо, определенно и ярко не выражались его мироощущение и характерный для всего его творчества поэтический пантеизм. Но, повторяю, это не рассуждения мыслителя, а думы поэта. <...> Читая их («Цикады». — С. М.), вы приобщаетесь к тому чувству великого счастья, которое Бунин испытывает „от великого покоя и великой гармонии ночи“, от ощущения красоты, разлитой в природе, в жизни, во всей вселенной. <...>

В русской литературе нет ни одного произведения, в котором „есть“ поэта было бы раскрыто с такой яркостью, как в „Цикадах“. <...> Границы между действительностью и воображением стираются, поэт живет не только своей, но и тысячами чужих жизней. У Бунина эта способность перевоплощения изображена с поразительной отчетливостью <...>.

В „Цикадах“ много личного, но это личное настолько связано с тем общим, что называется „художественным творчеством“, что новое произведение Бунина далеко выходит за те пределы, которые он сам себе поставил. Это одно из произведений, над которым долго будут задумываться не только ценители искусства, но и психологи. <...>

Но в целом „Цикады“ звучат гимном жизни, красоте, доброму».⁵

З. Н. Гиппиус в рецензии на свежий номер «Современных записок» в «Последних новостях» благосклонно упомянула произведение Бунина: «...новейший его рассказ „Цикады“, достойный всяческих похвал за неувядаемо-прекрасный бунинский язык, — сам есть передача размышлений поэта, далеко не блещущих новизной, и с которыми, в сущности, нечего делать».⁶

Ю. И. Айхенвальд отмечал: «Под не прерывающейся ни на секунду „хрустальный звон“ цикад <...> возвышенные думы волнуют сердце писателя, и он воспроизводит их в такой прозе, которая звучит торжественной, органической музыкой, и слышится в ней и вся скорбь предстоящей смерти, физиче-

³ Бунин И. А. Собр. соч.: В 11 т. Берлин, 1935. Т. 9. Цикады. С. 7–23. Далее ссылки на этот том даются в тексте сокращенно: СС, с указанием номера страницы.

⁴ «Если хотите меня печатать, терпите»: И. А. Бунин / Публ. и прим. О. А. Коростелева и М. Шрубы; вступ. статья О. А. Коростелева // «Современные записки» (Париж, 1920–1940). Из архива редакции: В 4 т. / Под ред. О. Коростелева и М. Шрубы. М., 2012. Т. 2. С. 731–732.

⁵ Кульман Н. К. «Цикады» Бунина // Возрождение (Париж). 1925. 17 дек. № 198. С. 3–4.

⁶ Крайний А. [Гиппиус З. Н.]. «„Течение“ „Современных записок“ (кн. XXVI)» // Последние новости (Париж). 1925. 24 дек. № 1740. С. 2.

ской разлуки с землею и все счастье того упоительного бессмертия, какое суждено душе поэта, которая в своих созданиях отпечатлевает себя для человечества и томится неутомимой жаждой жизни, вечной жизни в себе и в других, и жаждой вечной памяти. Свое существование перелить в слово, если уже не в плоть, — не в этом ли для поэта одоление смерти? <...> явственно ощущаешь — у Бунина переживаемый им восторг слова и сам от него этот восторг перенимаешь».⁷

В рецензии на «Современные записки» М. О. Цетлин, в частности, подчеркивал, что в этом «стихотворении, или вернее поэме в прозе <...>, в его эстетике и философии творчества — ключ ко всей философии Бунина. Философия эта близка к буддизму. Ценны здесь не рассуждения, а переживания, их глубина и убедительность. Как не поверить Бунину, что его предки или он сам в ином воплощении (ибо грань индивидуальности почти стирается Буниным) жили на Цейлоне, что он не видит, а вспоминает южный рай. Богатство художника для Бунина — это богатство памяти, личной и родовой. Чтобы воплотить это богатство, нужна какая-то первобытная страсть мировосприятия...».⁸

В литературной «Анкете „Возрождения“» на вопрос «какие произведения русской зарубежной беллетристики, появившиеся в 1925 году, по Вашему мнению, являются наиболее ценными?» Б. К. Зайцев и И. С. Шмелев назвали среди прочих произведений рассказ «Цикады».⁹

Этот рассказ был отмечен даже советскими критиками. Н. П. Смирнов в статье «На том берегу. Заметки об эмигрантской литературе», в частности, писал: «Все то, чем исполнены последние рассказы и стихи Бунина: любовь к земле, страшная тоска отчуждения, ледяное дыхание смерти, горечь творческой жажды, — все это особенно ярко сказалось в его рассказе „Цикады“».

„Цикады“ один из лучших по своей музыкальной напевности рассказов Бунина».¹⁰

Д. А. Горбов, упомянув этот рассказ в статье «10 лет литературы за рубежом», отнес его к «новеллам — лирическим монологам».¹¹

Первые черновые наброски (РАЛ. MS 1066/201–202), имеющие отношение к будущему рассказу, являются ранними записями под заглавием «Безымянные записки» (авторская дата: «Осень 1921 г. Париж») и «Книга моей жизни» (авторская дата: «Ноябрь, 1921 г.»). Эти тексты были опубликованы с купюрами Л. Ф. Зуровым в «Новом журнале»,¹² а затем перепечатаны оттуда в «Литературном наследстве».¹³ Во вступительной статье А. К. Бабореко, воражая Зурову, который относил обнаруженные автографы к первым наброскам романа «Жизнь Арсеньева», писал: «Зуров исключил из опубликованного текста места, взятые Буниным для рассказа „Цикады“, обозначив пропуски многоточием. Но и в сокращенном виде остается много совпадений с рассказом, что как будто позволяет сблизить „Книгу моей жизни“ в большей

⁷ Айхенвальд Ю. И. Литературные заметки // Руль (Берлин). 1926. 13 янв. № 1554. С. 2.

⁸ Цетлин М. О. «Современные записки». XXVI. Париж // Дни (Париж). 1926. 24 янв. № 912. С. 4.

⁹ Анкета «Возрождения» // Возрождение. 1926. 4 марта. № 275. С. 4.

¹⁰ Смирнов Н. П. На том берегу. Заметки об эмигрантской литературе // Новый мир. 1926. № 6. С. 149.

¹¹ Горбов Д. А. 10 лет литературы за рубежом // Печать и революция. 1927. № 8. С. 13.

¹² Бунин И. А. Безымянные записки / Публ. Л. Зурова // Новый журнал (Нью-Йорк). 1966. Кн. 84. С. 49–55.

¹³ Бунин И. А. Безымянные записки. Книга моей жизни / Публ. А. К. Бабореко // Лит. наследство. 1973. Т. 84. Иван Бунин: В 2 кн. / Ред. А. Н. Дубовиков и С. А. Макашин при участии Т. Г. Динесман. Кн. 1. С. 382–386.

мере с „Цикадами“, чем с „Жизнью Арсеньева“. Но некоторые фразы записок можно найти и в „Жизни Арсеньева“ <...> мнение Л. Ф. Зурова, отнесшего на основании найденных им записей начало работы над этим романом к 1921 г., представляется нам ошибочным¹⁴. Добавим от себя, именно к данному времени относятся размышления писателя о создании «Книги ни о чем»: «Все дни, как и раньше часто и особенно эти последн^{ие} проклятые годы, м. б., уже погубившие меня, — мучения, порою отчаяние — бесплодные поиски в воображении, попытки выдумать рассказ, — хотя зачем это? — и попытки пренебречь этим, а сделать что-то новое, давным-давно желанное, и ни на что не хватает смелости, что ли, умения, силы (а м. б. и законных художеств^{енных} оснований?) — начать книгу, о которой мечтал Флобер, „Книгу ни о чем“, без всякой внешней связи где бы излить свою душу, рассказать свою жизнь, то что довелось видеть в этом мире, чувствовать, думать, любить, ненавидеть»¹⁵.

Следующие единицы хранения РАЛ являются уже черновиками непосредственно рассказа «Цикады» (РАЛ. MS 1066/203–204). Кроме них сохранилась машинопись (с правкой) начала рассказа, продолженная рукописью основной части рассказа (РАЛ. MS 1066/205), а также автограф с концовкой рассказа (РАЛ. MS 1066/206).

В результате анализа этих документов можно прийти к следующим выводам. Конечно, «Безымянные записки» и «Книга моей жизни» не являются, точнее, не являлись в момент их написания подготовительными материалами ни для рассказа «Цикады», ни тем более для романа «Жизнь Арсеньева». Бунин только в конце марта 1920 года прибыл в Париж после долгой и опасной дороги в эмиграцию. К художественному творчеству писатель начал постепенно возвращаться только в 1921 году. Сохранившиеся автографы 1921 года показывают нам, о чем Бунин размышлял. В этот момент наметился поворот Бунина к поиску новых форм, нового жанра.

Надо особо подчеркнуть, что именно эти записи (РАЛ. MS 1066/201–202) Бунин никогда не публиковал. Во время работы писатель часто поступал так: он начинал стихотворение или рассказ, но не заканчивал их сразу, а оставлял их в своем портфеле. Периодически он возвращался к своим записям, наброскам, которые всегда возил с собой, перечитывал. Таким образом, «Безымянные записки» и «Книга моей жизни» так и остались лежать в его портфеле, но, через несколько лет вернувшись к ним, Бунин написал свой шедевр — рассказ «Цикады», а позднее частично использовал и в романе «Жизнь Арсеньева». В связи с этим в дальнейших рассуждениях мы будем учитывать только непосредственно автографы рассказа «Цикады» (РАЛ. MS 1066/203–206).

Следует отметить, что все многочисленные разночтения между черновыми автографами, машинописями и печатными текстами должны быть приведены в научном Полном собрании сочинений Бунина. Нами будут рассмотрены лишь некоторые примеры.

Первый черновой автограф (РАЛ. MS 1066/203) имеет заглавие «Цикады», которое уже в конце жизни синей шариковой ручкой Бунин изменил на «Ночные цикады», потом это заглавие было зачеркнуто и рядом написано «Ночь?».

В этой первоначальной редакции текста, кроме рассказчика, был еще один персонаж — хозяин дачи, с которым главный герой беседует ночью. Вот начало текста: «На даче было темно, — было уже поздно, — и вся степь вокруг

¹⁴ Там же. С. 381.

¹⁵ Устами Буниных: Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы: В 3 т. / Под ред. М. Грин. Frankfurt a/M., 1981. Т. 2. С. 66–67 (запись в дневнике Бунина от 27 октября (9 ноября) 1921 года).

струилась непрерывным журчанием цикад. Хозяин и его гость, писатель, сделав длинную прогулку по обрывам над морем, лежали в камышовых креслах на балконе. Они курили, изредка обменивались несколькими словами и слушали, слушали: в этом хрустальном журчании было какое-то наваждение».

Эта ранняя редакция значительно отличается от текста журнальной публикации: ее текст больше по объему, в нем отсутствует финал, появившийся в печатном варианте, и по своему содержанию и настрою представляет собой молитву Богу, исповедь.

В следующих черновых автографах (РАЛ. MS 1066/204–205) текст меняется: делится на главки, хозяин дачи уже не упоминается, рассказ ведется от первого лица. Как и в случае с первым автографом, в конце жизни Бунин изменил название текста, сделав исправления красной шариковой ручкой: «Ночные цикады» — «Ночь». То же мы увидим в авторских экземплярах 9-го тома берлинского Собрания сочинений Бунина. Под этим новым заглавием «Ночь» мы знаем этот рассказ по современным изданиям произведений писателя.

По всей видимости, Бунин довольно долго работал над этим рассказом. Разночтения между черновым автографом и первой публикацией многочисленны и разнообразны. Приведем наиболее значительные из них между более полным черновым автографом (РАЛ. MS 1066/205; далее — ЧА) и публикацией в «Современных записках».

ЧА	СЗ
«...и вся степь окрест струится непрерывным журчаньем».	«...и все окрест струится непрерывным журчаньем» (СЗ, с. 85).
«...желание осознать и запомнить».	«...желание зачем-то осознать и запомнить» (СЗ, с. 86).
«Может быть, эта корысть есть только следствие моего ремесла? Да, но что такое и откуда оно, это мое ремесло? Разве творческое побуждение не есть основное свойство человеческой природы?»	«Откуда тоска? Из тайного чувства, что только во мне одном нет покоя, нет гармонии, нет покорности и бездумности. Откуда корысть? Она есть следствие моего ремесла. А что такое мое ремесло? Творческое побуждение есть основа человеческой природы» (СЗ, с. 86).
«...ведущую к бесплодию, к неделанию и к старой, как мир, мудрости, что нет человеку пользы ни от каких трудов его под солнцем? / Увы, тут некий заколдованный круг. / Разве не больше, чем многим другим, отпущено мне сил для этой борьбы со смертью?»	«...ведущую к бесплодию и к старой, как мир, мудрости, что нет человеку пользы ни от каких трудов его под солнцем? Разве не больше, чем многим другим, отпущено мне сил для этой борьбы?» (СЗ, с. 87).
«...моей формы. Ибо кому дается больше...».	«...моей формы. Тут всегда некий заколдованный круг. Кому дается больше...» (СЗ, с. 87).
«...я, в сущности, ничего не понимаю».	«...я ничего не понимаю» (СЗ, с. 87).
«...для этого земного „бывания“, как выражается индийская мудрость, погибаю».	«...для этого земного „бывания“, погибаю» (СЗ, с. 88).
«...вокруг меня южные степи».	«...вокруг меня южные предгорья» (СЗ, с. 88).
«...роковым знаком „умствования“».	«...роковым знаком удивления, „умствования“» (СЗ, с. 89).
«...дивный и великий храм ночи».	«...великий храм ночи» (СЗ, с. 89).

<p>«Так подобает ли человеку быть ночью в бодрствовании, в созерцании „бездны“ и в том непостижимом, что есть наше думанье, умствование?»</p> <p>«...сильное Я, жажда вящего утверждения своей личности».</p> <p>«Все эти Толстые и Будды...».</p> <p>«И несметные степные жизни поют окрест, в поле, в саду, по морским обрывам как будто...».</p> <p>«Недавно мне как-то случилось проснуться очень рано, на рассвете. Я проснулся — и вдруг почему-то поразился мыслью, что мне сорок пять лет. Ах, как велика казалась в детстве, в юности подобная цифра! Казалось, что это какое-то особое...».</p> <p>«...случается проснуться на ранней утренней заре: чувство счастья...».</p> <p>«Вот я прожил почти полвека...».</p> <p>«Еще ужасно мне Твое беззначалие и Твоя бесконечность! / О, я прибавляю к этому стенанию мольбу: „Дай мне запечатлеть мое обманное, а все же несказанно сладостное бывание хотя бы в слове, если уже <не> во плоти: дай хоть это потомство мне!“»</p>	<p>«А что есть ночь и подобает ли человеку быть пред лицом ее в бодрствовании, в том непостижимом, что есть наше думанье, умствование?» (С3, с. 89).</p> <p>«...сильное Я, жажда вящего утверждения его» (С3, с. 92).</p> <p>«Все эти Соломоны и Будды...» (С3, с. 93).</p> <p>«И несметные жизни поют окрест как будто...» (С3, с. 94).</p> <p>«Недавно, проснувшись случайно на рассвете, я вдруг почему-то поразился мыслью о своих годах. Казалось когда-то, что это какое-то особое...» (С3, с. 95).</p> <p>«...случается проснуться на ранней заре, — испытал чувство великого счастья...» (С3, с. 96).</p> <p>«Вот я прожил полвека...» (С3, с. 97).</p> <p>«Еще страшит меня Твое беззначалие и Твоя бесконечность... / Да, если бы запечатлеть это обманное и все же несказанно сладкое бывание хотя бы в слове, если уж не во плоти!» (С3, с. 99).</p>
--	--

Другой автограф (РАЛ. MS 1066/204) представляет собой черновик середины рассказа с правкой, текст делится на главки (с VI по XII) иначе, чем в ЧА. Разночтений между ними, а также журнальной публикацией довольно много, следовательно, этот текст — более ранний переработанный в уже рассмотренный нами. Оба черновые автографа содержат цитаты из стихотворений Ф. И. Тютчева «День и ночь», «Святая ночь», «Как океан объемлет шар земной...». Возможно, у Бунина была мысль добавить их в текст рассказа, но он отказался от нее.

Третий автограф (РАЛ. MS 1066/206) заключает в себе только концовку рассказа и практически совпадает с опубликованным в «Современных записках» текстом. Однако содержит очень важную деталь — в конце помимо подписи Бунина стоит дата «17/30 сент<ября> 1925. Приморск<ие> Альпы». Во всех прижизненных публикациях рассказ датировался только по старому стилю: «17.IX.1925» (как и во всех последующих посмертных собраниях сочинений писателя). В Полном собрании сочинений Бунина под текстом рассказа «Цикады» должна стоять полная авторская дата из автографа: «17/30 сент. 1925. Приморск. Альпы». В связи с этим возникает вопрос, относящийся к общей проблеме датировки произведений Бунина: по какому стилю датированы другие его рассказы?¹⁶ Но это тема для отдельного исследования.

Текст сохранившейся машинописи рассказа «Цикады» (РГАЛИ. Ф. 44. Оп. 1. Ед. хр. 19) очень близок к тексту первой журнальной публикации. По всей видимости, Бунин мог внести свою правку в первый экземпляр машинописи перед отсылкой его Фондаминскому. При сверке с текстом «Современ-

¹⁶ Подробнее см.: Морозов С. Н. Проблема датировки прозы И. А. Бунина // Литературный факт. 2017. № 4. С. 317–325.

ных записок» было выявлено 15 незначительных точечных разночтений: замена, вычеркивание, дописывание отдельных слов и т. п. Самая большая поправка с дополнением — последняя в таблице.

РГАЛИ	СЗ
«....люди пустились в слишком большую затейливость».	«....люди пустились в большую затейливость» (СЗ, с. 85).
«Но не важно о чем думал я...».	«Но не важно о чем именно думал я...» (СЗ, с. 87).
«...в неведении о себе».	«...в недумании о себе» (СЗ, с. 89).
«....мерой их удивления».	«....мерой этого удивления» (СЗ, с. 89).
«на некоторый срок».	«на некий срок» (СЗ, с. 90).
«бесплодное мудрствование».	«бесплодное умствование» (СЗ, с. 90).
«...малейшего представления».	«...малейшего представления, знания» (СЗ, с. 91).
«И хотя вся моя жизнь».	«И хотя почти вся моя жизнь» (СЗ, с. 92).
«Но я знаю, что они есть».	«Но пусть, я знаю, что они есть» (СЗ, с. 95).
«...но даже и в течение тысячелетий?»	«...но и в течение тысячелетий?» (СЗ, с. 95).
«...но и отцом».	«...но и своим отцом» (СЗ, с. 95).
«...навсегда померкнут в той последней Тьме».	«...навсегда, навеки померкнут, погибнут в той последней Тьме» (СЗ, с. 95).
«И почти те же чувства...».	«И почти те же самые чувства...» (СЗ, с. 97).
«...сравнительно малом».	«...сравнительно очень малом» (СЗ, с. 98).
«...своего райского праотца, но, увы, Рая уже лишенные».	«...своего райского праотца, его телесности. Это люди райски чувственные в своем ми-роощущении, но, увы, Рая уже лишенные» (СЗ, с. 98).

В дальнейшем Бунин, видимо, приостановил работу над текстом и при подготовке к помещению в сборник «Солнечный удар» внес всего 4 исправления.

СЗ	СУ
«...все как будто растущие и растущие хрустальными винтами цветы» (СЗ, с. 88).	«...все как будто растущие хрустальными винтами цветы» (СУ, с. 117).
«Но ведь каждые семь лет весь человек перерождается...» (СЗ, с. 91).	«Но, ведь, каждые семь лет человек пере-рождается...» (СУ, с. 120).
«...с его огромной подсознательностью, а вместе с тем особью, безмерно обогащен-ной...» (СЗ, с. 92).	«...с его огромной подсознательностью и вместе с тем особью, безмерно обогащен-ной...» (СУ, с. 121).
«...обманной и горькой сладостью бывания» (СЗ, с. 99).	«...обманной и горькой сладостью Быва-ния» (СУ, с. 128).

В следующий раз при обращении к тексту — уже при подготовке Собрания сочинений в 1934–1935 годах — Бунин основательно переработал рассказ, сильно сократив его.

СУ	СС
«Ночная темно-синяя бездонность неба...» (СЗ, с. 113).	«Ночная бездонность неба...» (СС, с. 7).
«...оно глубоко молчит» (СЗ, с. 113).	«...оно летаргически-недвижно, молчит» (СС, с. 7).
«Но я все мучу себя, все умствую» (СЗ, с. 114).	«Но я все „умствую“» (СС, с. 8).
«Как всегда, были обрывки каких-то воспоминаний, какие-то мысли об окружающем и желание зачем-то осознать и запомнить...» (СЗ, с. 114).	«Какие-то мысли (или подобие мыслей) об окружающем и желание зачем-то запомнить...» (СС, с. 8).
«...гармонии ночи и от того, что я вижу, ощущаю эту красоту, рядом же с этим — чувство какой-то тоски и какой-то вечно томящей меня корысти, жажды как-то использовать это счастье и даже вот эту самую тоску и жажду. Вечный крест мой!» (СЗ, с. 114).	«...гармонии ночи, рядом же с этим чувство какой-то тоски и какой-то корысти» (СС, с. 8).
«...во мне одном нет покоя, нет гармонии, нет покорности и бездумности» (СЗ, с. 114).	«...во мне одном нет покоя — вечное тайное томление! — и нет бездумности» (СС, с. 8).
«Откуда корысть? Она есть следствие моего ремесла. А что такое мое ремесло? Творческое побуждение есть основа человеческой природы. Жизнь есть некая форма, некое воплощение чего-то, нам неведомого. И вечно чувствуем мы срочность и зыбкость этой формы и боимся своей бесследности. „В будущие...“» (СЗ, с. 114).	«Откуда корысть? Из жажды как-то использовать это счастье и даже эту самую тоску и жажду, что-то создать из них... Но и тут тоска, Екклезиаст: „В будущие...“» (СС, с. 8).

Далее сделано значительное сокращение. В СУ читаем: «И вот: „Предпринял я большие дела, — построил себе дома, посадил виноградники, устроил сады и рощи... приобрел себе слуг и служанок, собрал серебра и золота от царей и областей“... Зачем? Затем, что, трудясь и в трудах достигая силы, славы, радуется человек этой силе, славе, как плодотворности в своей борьбе со смертью, разрушительницей форм. И тот, кому дано чувствовать их зыбкость и непрочность особенно, особенно и одержим жаждой такой борьбы. И я из числа именно этих особенных. Так что-же я умствую и пускаюсь в „затейливость“, ведущую к бесплодию и к старой, как мир, мудрости, что нет человеку пользы ни от каких трудов его под солнцем? Разве не больше, чем многим другим, отпущено мне сил для этой борьбы? Да, но совсем не в меру моего все растущего чувства роковой непрочности, зыбкости моей формы. Тут всегда некий заколдованный круг. Кому дается больше, с того больше и спрашивается. Чем страстней певец...» (СУ, с. 115). В СС Бунин оставил несколько сжатых строк: «И тут я „умствую“, и тут пускаюсь в „затейливость“, ведущую к бесплодию! Чем страстней певец...» (СС, с. 8).

СУ	СС
«...во мне есть нечто, некий признак — очевидно, не разложимый, основной, — поистине частица самого Бога» (СУ, с. 116).	«...во мне есть, помимо всего моего, еще не-кое нечто, очевидно, основное, неразложимое, — истинно частица Бога» (СС, с. 9).
«Но я же и отвечаю на это утешение: / — То есть частица того, не имеющего ни фор-	«— Да, но ведь это частица того, не имеющего ни формы, ни времени,

мы, ни времени, ни пространства, что для земли, для моего земного существования, и есть моя гибель! Это нечто дает нам мудрость, иными словами — смерть» (СУ, с. 116).	ни пространства, что и есть моя гибель» (СС, с. 9).
--	---

После этих правок опять последовало большое сокращение текста. В СУ читаем: «...все как будто растущие хрустальными винтами цветы. / И я слушаю, слушаю этот звон и думаю. / Я думаю о том, как я счастлив этими ночами, летом, югом, тем, что вокруг меня южные предгорья, а вот под этими обрывами, в двух шагах от меня, покоится в звездной летаргии то дивное, что называется морем. И еще я думаю о том, как бесконечно я несчастен, томясь своим счастьем, которому всегда не достает чего-то и которое так преходяще, бесследно и так отравлено все растущим во мне безумием: безумием моей отделенности от мира и даже от самого себя, удивления перед ним и перед собственным существованием, непонимания ни себя, ни его. Так в детстве смотрелся я иногда в зеркало: что это такое, кто это тот, которого я вижу, который есть я и о котором я-же и думаю, и кто на кого смотрит?» (СУ, с. 117). В СС осталась только измененная концовка абзаца: «...все как будто растущие хрустальной спиралью цветы...» (СС, с. 10).

СУ	СС
«Я всю жизнь живу под страшным знаком смерти — и все-таки у меня всю жизнь такое чувство, будто я никогда не умру» (СУ, с. 120).	«Я всю жизнь живу под знаком смерти — и все-таки всю жизнь чувствую, будто я никогда не умру» (СС, с. 13).
«Меня выделили из многих прочих. Выделили мое воображение, память, восприимчивость, умение высказываться. И хотя почти вся моя жизнь есть почти сплошное и мучительное сознание слабости и ничтожества всех моих только что перечисленных свойств, я, по сравнению с некоторыми, и впрямь не совсем обычный человек» (СУ, с. 120).	«Меня выделили из многих прочих. И хотя всю жизнь я мучительно сознаю слабость и недостаточность всех моих способностей, я, по сравнению с некоторыми, и впрямь не совсем обычный человек» (СС, с. 13).
«...и в то же время ощущители Нирваны с ее вечным блаженством, все-таки всегда скорбным для смертного, никогда на земле не могущего отказаться до конца от Майи, от сладости „бывания“. Все они отличаются все возрастающей с годами религиозностью, то есть страшным чувством своей связанности со Всебытием — и неминуемого в нем исчезновения» (СУ, с. 122).	«...и все отличаются все возрастающим с годами чувством Всебытия и неминуемого в нем исчезновения...» (СС, с. 15).
«...еще страшнее и царственное. — Боже, как блаженна и как скорбит душа моя, лишенная Твоего Эдема!» (СУ, с. 123).	«...еще страшнее и царственное...» (СС, с. 16).

Затем Буниным вновь сделаны существенные сокращения. В СУ читаем: «И обычно у меня такое чувство, что мои детские дни, которые считаются моими первыми днями, были бесконечно давно. Но стоит мне лишь немногого напрячь мысль, как время начинает сокращаться, таять. И так было всегда. Не раз испытал я нечто поистине чудесное. Не раз случалось так: я возвратился из какого-нибудь далекого путешествия, возвратился в те поля, где я был

некогда ребенком, юношой, — и вдруг, взглянув кругом, чувствуя, что долгих и многих лет, прожитых мной с тех пор, как не бывало» (СУ, с. 123). В СС остается несколько строк: «Бесконечная давность! Но стоит мне лишь немнога подумать, как время начинает таять. Не раз испытал я нечто чудесное. Не раз случалось: я возвратился в те поля, где я был некогда ребенком, юношой, — и вдруг, взглянув кругом, чувствуя, что долгих и многих лет, прожитых мной с тех пор, точно не было» (СС, с. 16).

Большой фрагмент в СУ был фактически изъят из текста рассказа: «Увеличив число таких отпечатков, я должен передать их еще кому-то, следящему за мной, как передано великое множество их всеми моими предками — мне. Не раз чувствовал я себя не только прежним собою, но и своим отцом, дедом, прадедом: в свой срок кто-то должен и будет чувствовать себя — мною. / И я думал в такие минуты: богатство способностей, талант, гений — что это как не богатство этих отпечатков (и наследственных, и благоприобретенных), как не та или иная чувствительность их и количество их проявлений в луче того Солнца, что откуда-то падает на них порою, то ярче, то слабее? И я говорил себе: верь спокойно, не пропала и никогда не пропадет ни единая, даже самая малейшая доля твоего существования, — каждая запечатлена и сохранится. Все они и уже навсегда, навеки померкнут, погибнут в той последней Тьме, куда мы все отходим в свой срок? Но разве не казалось тебе не раз, что и при жизни мириады их уже погибли, утратили способность оживать (проявляться) и разве ты не ошибался? И где грань между тьмой могильной и той, в которой и при жизни таится в тебе твоя прежняя, то есть младенческая, детская, юношеская жизнь, только в редкие минуты озаряется и оживает?» (СУ, с. 124). В СС осталось нескольких строк: «Великое множество таких отпечатков передано мне моими предками, пращурами. Богатство способностей, гений, талант, — что это как не богатство этих отпечатков (и наследственных, и благоприобретенных), как не та или иная чувствительность их и количество их проявлений в луче того Солнца, что откуда-то падает на них порою?» (СС, с. 17).

СУ	СС
«...цвет глаз, но внутренне, душевно только многая опытность отличает меня теперешнего от прежнего, — я чувствую это всем существом своим!» (СУ, с. 125).	«...цвет глаз... Но что с того?» (СС, с. 17).
«И я вспомнил свое, увы, теперь уже давнее, путешествие по Галилее, по Иудее — и опять пережил совершенно как свое собственное это далекое евангельское утро в оливковой роще на каменистом скате Елеонской горы, это отречение Петра» (СУ, с. 126).	«Я опять пережил совершенно как свое собственное это далекое евангельское утро в Элеонской оливковой роще, это отречение Петра» (СС, с. 18).
«...в так называемом двадцатом веке. Да и в нем ли я живу? За свою все-таки уже долгую жизнь с ее думами, чтением, странствиями и мечтами я так привык к мысли и к ощущению, будто я знаю и представляю себе огромные пространства места и времени, столько жил в воображении чужими и далекими жизнями, что мне кажется, будто я был всегда, во веки веков и всюду. А где грань между моей действительностью и моим воображением, кото-рая...» (СУ, с. 126–127).	«...в так называемом двадцатом веке! И сколько я жил в воображении чужими и далекими жизнями, чувством, будто я был всегда и всюду! А где грань между моей действительностью и моим воображением, моими чувствами, которые...» (СС, с. 19).

В СУ рассказ заканчивается предложением: «И цикады поют, поют», в СС это предложение отсутствует.

В результате исследования правки, внесенной Бунином при подготовке берлинского Собрания сочинений, можно сделать вывод, что в 9-м томе данного издания опубликована другая редакция рассказа «Цикады». Хотя текст и не претерпел серьезных содержательных изменений, однако он был значительно сокращен и исправлен. Таким образом, существует три редакции этого рассказа: ранняя (РАЛ. MS 1066/203) — сентябрь 1925 года; журнальная — декабрь 1925 года; и последняя, в 9-м томе Собрания сочинений — 1935 года, которую и следует избрать источником основного текста в будущем Полном собрании сочинений Бунина, а раннюю редакцию опубликовать полностью в разделе «Другие редакции». Однако возникает вопрос: вносить ли в основной текст правку писателя в авторских экземплярах 9-го тома Собрания сочинений? Прежде всего, рассмотрим характер этой правки.

После своего Собрания сочинений Бунин не публиковал «Цикады», но продолжал работать над текстом рассказа. Сохранилось три авторских экземпляра 9-го тома Собрания сочинений, в них имеется авторская правка, которая вносилась как минимум трижды: в 1947, 1951 и 1953 годах. В подтверждение этого приводим полностью авторские надписи на обложках этих экземпляров 9-го тома.

На одном из них (РГБ. Ф. 429. К. 2. Ед. хр. 4) черными чернилами указано: «12.VIII.35», позднее перед датой вписано синей шариковой ручкой «Вышел», правее поставлен дважды подчеркнутый знак NB. Ниже синей шариковой ручкой помечено: «Вырвал „Прекр<аснейшая> солнца“», далее красной шариковой ручкой: «Воды многие. Первая любовь, Подснежник». Под номером тома синей шариковой ручкой и затем ею же зачеркнуто: «Этот тоже перечитал и поправил недавно, но не этот экземпл<яр>. Октябрь 1951 г.». Над этими словами посередине обложки синей шариковой ручкой отмечено: «Правлю и этот экз<емпляр> в августе 1953 г.».

На титульном листе название тома «Цикады» зачеркнуто синей шариковой ручкой и выше той же ручкой добавлено новое — «Ночь», то же сделано на шмидтитуле и перед текстом рассказа. Помимо исправления заглавия, Бунин внес несколько поправок и уточнений в текст рассказа. В конце второго абзаца убрал предложение о звоне цикад: «Завороженный самим собой, он растет, ширится и однако не увеличивается, ни до чего не дорастает — и ничем не разрешается...». В конце пятого абзаца вычеркнуто два предложения: «И тут я „умствую“, и тут пускаюсь в „затейливость“, ведущую к бесплодию! Чем страстней певец Песни Песней, тем верней кончает он Екклезиастом!» В следующем абзаце подчеркнуты волнистой линией слова «понимаю мое непонимание», а на полях написано: «курсив». Ближе к концу рассказа в эпизоде об апостоле Петре волнистой линией выделено начало предложения (с такой же пометой на полях): «То же самое солнце, что когда-то увидел...». Во фрагменте «Да, если бы запечатлеть это обманное и все же несказанно сладкое бывание хотя бы в слове...» слово «бывание» взято в кавычки.

Еще два рабочих экземпляра 9-го тома хранятся в Русском архиве Лидса. На обложке одного (РАЛ. MS 1066/10174) указано: «Исправлено мной для нового издания [26 авг. 47 г.] в сент. 1951. Сохранить мои знаки препинания! Ив. Б.». Под номером тома написано синей шариковой ручкой, а затем трижды зачеркнуто заглавие «Ночь». На титульном листе зачеркнуто название тома «Цикады» и сверху дано новое — «Ночь», так же исправлено заглавие на шмидтитуле и перед текстом рассказа. В конце первого предложения сделана вставка и на полях написано чернилами: «ночных степных цикад», позднее —

зачеркнуто синей шариковой ручкой. Помимо этого момента правка совпадает с оставленной в экземпляре РГБ, за исключением следующих деталей: в конце предложения «я, конечно, совершенно живо ощутил, что я и теперь совершенно тот же, кем был и в десять, в двадцать лет» на странице 17 вычеркнуто слово «конечно»; на странице 21 в выражении «сладкое бывание хотя бы в слове» в «бывании» первая буква заменена на прописную.

В другом экземпляре тома (РАЛ. MS 1066/10175) на обложке написано: «С моими поправками. Для нового издания. Ив. Б. <черными чернилами> [Август 47 г.] <написано синими чернилами, позднее густо зачеркнуто синей шариковой ручкой> [Март 1951 г.] <написано синей шариковой ручкой, зачеркнуто красной шариковой ручкой> Май 1953 г. <красная шариковая ручка> NB <знак NB подчеркнут трижды> Окончательно исправлено „Божье древо“. Сохранять всюду *мои* < подчеркнуто дважды> знаки препинания! Ив. Б. (Notre Dame — стр. 24) NB <синей шариковой ручкой>». На титульном листе тома следующие исправления: к названию тома «Цикады» впереди приписано черными чернилами слово «Ночные», позднее оно было зачеркнуто синей шариковой ручкой и выше его же добавлено название «Ночь», а потом зачеркнуто красной шариковой ручкой и изменено на «Ночные цикады». Оно в свою очередь было зачеркнуто простым карандашом, которым волнистой линией выделено предыдущее — «Ночь». Таким образом, Бунин, трижды исправляя название тома (и соответственно рассказа), окончательно остановился на названии «Ночь». Те же отметки, теми же ручками и в той же последовательности повторены на шмидтитуле и перед текстом рассказа. Исправления в тексте совпадают с другим экземпляром РАЛ. Отличаются только два случая: не вычеркнуто слово «конечно», слово «бывание» оставлено со строчной буквы и взято в кавычки.

Таким образом, бунинская правка согласована не полностью. Например, слово «бывание» в экземпляре РГБ и втором экземпляре РАЛ взято в кавычки, а в первом экземпляре РАЛ исправлено с прописной буквы и без кавычек, очевидно, Бунин хотел это слово как-то выделить. Последняя правка, судя по датам на обложках 9-го тома, была внесена в экземпляр РГБ, следовательно, Бунин предпочел оставить это слово в кавычках.

Среди текстологов-буниноведов существует два подхода к определению основного текста произведения. Первый заключается в признании приоритета последней прижизненной публикации конкретного произведения, а вся правка в авторских экземплярах книг Бунина помещается в разделе «Варианты». Второй — в том, чтобы вносить в основной текст авторскую правку, имеющуюся в рабочих экземплярах книг писателя, оговаривая в комментариях все ее характерные детали. Как поступить с рассказом «Цикады» и как вообще принимать решение об использовании того или другого подхода, еще предстоит решить в дальнейшем.

Даже на примере одного рассказа хорошо видно, что текстологические вопросы и проблемы, выявляемые при научной подготовке поэзии Бунина,¹⁷ распространяются и на его прозу. Для того, чтобы выработать единые текстологические правила для всего будущего научного Полного собрания сочинений Бунина, следует собрать больше фактического текстологического материала, обозначить весь комплекс проблем и выбрать способ или способы их решения. Для этого также необходимо понять, отличалась ли методика работы писателя над прозой в разные периоды его творчества или имела некоторые общие черты. От этого будет зависеть возможность формулировки тексто-

¹⁷ Подробнее см.: Двинятина Т. М. Текстология поэзии И. А. Бунина // Бунин И. А. Стихотворения: В 2 т. / Вступ. статья, сост., подр. текста и прим. Т. М. Двинятиной. СПб., 2014. Т. 1. С. 371–418 (Новая Библиотека поэта).

логических принципов для всей прозы Бунина в целом. Все эти насущные принципиальные вопросы следует решить в ближайшее время для начала работы над первым научным Полным собранием сочинений Бунина.

DOI: 10.31860/0131-6095-2020-3-141-152

© Е. Р. ПОНОМАРЕВ

РАССКАЗЫ «КРУГА „ТЕМНЫХ АЛЛЕЙ“»*

Понятие «круг „Темных аллей“», не так давно предложенное автором настоящей статьи,¹ практически сразу было принято в буниноведении.² Книга «Темные аллеи» представляет собой свободное текстовое единство. Несколько раз (вплоть до последних лет жизни) Бунин составлял «программы» сборника, включая в них разные рассказы.³ В «Темных аллеях» можно выделить три группы рассказов: ядро основных (попавшее во все «программы»); более удаленные от ядра (включавшиеся в сборник часто, но не всегда); и, наконец, попавшие в «программу» один или два раза. Показательно, например, что рассказ «Апрель» вошел в первое издание книги (1943), но был исключен при подготовке второго расширенного издания (1946). Если бы Бунину удалось подготовить третье, состав книги снова претерпел бы изменения: по свидетельству В. Н. Буниной, писатель хотел поместить в нее созданные после 1946 года «Ночлег» и «Весной, в Иудее»; возможно, что в нее вошли бы и другие произведения второй половины 1940-х годов, а может, и более ранние тексты. Помимо трех упомянутых, писатель включал в программы сборника рассказы «Алупка», «„В такую ночь...“», «Крем Леодор», «Памятный бал», «Три рубля», а также так и не опубликованные при жизни «Ахмат», «Au secours!», «„Когда я впервые...“», «Лита», «Новая шубка», «Далекий пожар».⁴

Таким образом, книга «Темные аллеи», с одной стороны, отражает постоянную динамику бунинского письма, с другой — становится осозаемым воплощением современной нам теории литературы, стирающей границу между текстом и контекстом.

Есть еще одна группа текстов, располагающаяся довольно далеко от ядра «Темных аллей», но, тем не менее, ощутимо с ним связанная. Это рассказы, никогда не включавшиеся Бунином непосредственно в сборник, но тематически и стилистически очень близкие ему. Рассказы этой группы, написанные

* Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РНФ (проект № 17-18-01410-П) в Институте мировой литературы им. А. М. Горького РАН.

¹ Пономарев Е. Р. Круг «Темных аллей». Неопубликованный рассказ И. А. Бунина // Вопросы литературы. 2015. № 5. С. 318–330.

² См.: Лит. наследство. 2019. Т. 110. И. А. Бунин. Новые исследования и материалы. Кн. 1. С. 79–127.

³ Процесс формирования книги «Темные аллеи» подробно исследован Х. Реезе: Reese H. Ein Meisterwerk im Zwielicht: Ivan Bunins narrative Kurzprosaerwerbung. *Temnye Allei zwischen Akzeptanz und Ablehnung*. Eine Genrestudie. München, 2003.

⁴ Наиболее длинный список рассказов приложен Буниным к одному из писем Б. К. Зайцеву в июле 1944 года (Bakhmeteff Archive of Russian and East European Culture. Коллекция Б. Зайцева. Box 1). Этот список, в котором все рассказы третьей части даны с датами написания (последний датирован 27 мая 1944 года), демонстрирует, что рассказы, вошедшие в книгу и не вошедшие в нее, писались друг за другом, на одном дыхании. См. сопоставление различных программ «Темных аллей» в виде таблицы: Reese H. Ein Meisterwerk im Zwielicht. S. 409–411.